

Франс де Вааль. Истоки морали. В поисках человеческого у приматов

На протяжении многих лет всемирно известный биолог [Франс де Вааль](#) изучал жизнь шимпанзе и обезьян [бонобо](#).¹ В процессе исследований он выявил явные зачатки этического поведения в сообществе приматов. По мнению автора, мораль — не сугубо человеческое свойство, и ее истоки нужно искать у животных. Эмпатия и другие проявления своего рода нравственности присущи и обезьянам, и собакам, и слонам. Помимо увлекательного рассказа об этических формах поведения в мире приматов автор поднимает глубокие философские вопросы, связанные с наукой и религией. Как и когда возникла мораль? Какое влияние оказала религия на формирование этики? Что происходит с обществом, где роль религии снижается?

Эту книгу мне рекомендовал коллега по работе Евгений Бочкин. Книга мне понравилась, как любопытными исследованиями автора, так и его интеллигентностью, и толерантностью.

Франс де Вааль. Истоки морали. В поисках человеческого у приматов – М.: [Альпина нон-фикшн](#), 2014. – 384 с.

Глава 1. ЗЕМНЫЕ НАСЛАЖДЕНИЯ

Разве человек только промах Бога? Или Бог только промах человека?

Фридрих Ницше

Я думаю, что мораль возникла раньше религии и что наблюдения за приматами могут многое рассказать о ее происхождении. Вопреки распространенному взгляду на природу как на пространство звериной жестокости и арену кровавых пиршеств, исследователи утверждают, что животные не лишены качеств, достойных нашего морального одобрения; лично меня это наталкивает на мысль о том, что мораль — вовсе не изобретение человечества.

Так, например, обезьяны капуцины готовы добиваться благ для других; в этом несложно убедиться, если посадить двух обезьян рядом и устроить с одной из них обмен разноцветными фишками. Фишки одного цвета приносят вознаграждение только обезьяне — участнице «торгов», фишки другого цвета — обеим обезьянам. Очень скоро обезьяны начинают выказывать явное предпочтение «общественным» фишкам, дарующим поощрение обеим.

Млекопитающие вообще чувствительны к эмоциям друг друга и всегда реагируют на тех сородичей, кто нуждается в поддержке. Именно поэтому человек так часто приводит в свой дом пушистых плотоядных, а не, скажем, игуан или черепах; млекопитающие могут предложить хозяину то, что не в состоянии дать ни одна рептилия. Они дарят привязанность и нуждаются в ответных чувствах, они отзываются на наше настроение так же, как мы отзываемся на их эмоции.

¹ Книга на английском языке имеет название *The Bonobo and The Atheist. In Search of Humanism Among the Primates*

Бонобо (карликовые шимпанзе) обитают в Конго (рис. 1). Открытие бонобо произошло в 1929 г. Новый вид был отнесен к тому же роду *Pan*, что и шимпанзе. Сегодня невозможно себе представить, что когда-то ученые путали два вида шимпанзе. Американский специалист по человекообразным обезьянам Роберт Йеркс отмечал, что бонобо гораздо более чутки и способны к эмпатии, чем любой другой вид приматов, который ему доводилось встречать.

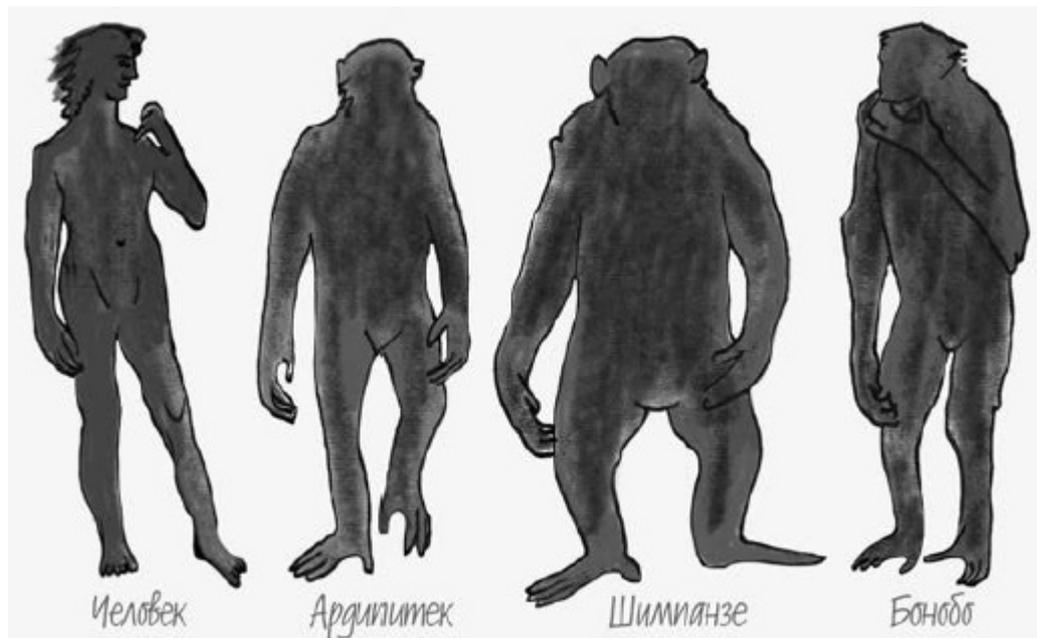

Рис. 1. Представители родов *Pan* и *Homo*. Переход к прямохождению в ходе эволюции человеческой линии требовал удлинения задних конечностей. Из всех человекообразных обезьян именно бонобо по соотношению длины передних и задних конечностей ближе всего к нашему предку ардипитеку (рисунок сделан без соблюдения масштаба: на самом деле современный человек выше остальных)

Разница между колонией бонобо и колонией шимпанзе видна с первого взгляда, потому что возглавляет колонию самка. Мне же бонобо интересны в первую очередь именно потому, что контраст между ними и шимпанзе безмерно обогащает наши представления об эволюции человека. Бонобо показывают, что длинный ряд наших предков отмечен не только мужским доминированием и ксенофобией, но и приверженностью к гармонии и вниманием к ближнему. Эволюция двигает и мужское, и женское, и не стоит измерять прогресс человечества исключительно количеством выигранных сражений. Насколько мы сегодня можем судить, человек не победил другие группы гоминин² в сражениях и не завоевал их, а скорее, вытеснил, вызвал естественное вымирание, и средством к тому стала не война, а любовь.

Мы живем в период, когда наше родство с человекообразными обезьянами находит все большее понимание и все серьезнее принимается обществом. Если объективно взглянуть на собственный биологический вид, то мы увидим существо из плоти и крови с мозгом, который, хотя и превосходит мозг шимпанзе втрое, не содержит никаких новых частей. Даже размер хваленной префронтальной коры головного мозга оказывается достаточно типичным для приматов. Никто не сомневается в превосходстве человеческого интеллекта, но у нас нет никаких основополагающих желаний или потребностей, которых не нашлось бы у наших ближайших родичей. Обезьяны, в точности как люди, стремятся к власти, наслаждаются сексом, жаждут безопасности и симпатии, убивают за землю, ценят доверие и сотрудничество.

Если мораль не дана нам свыше, то кто или что порождает ее? Я, однако, не убежден, что мораль непременно должна даваться свыше. Неужели она не может быть делом внутренним? Так наверняка и есть в отношении чувства сострадания, а может быть, и в отношении чувства справедливости. Я твердо верю в утверждение [Дэвида Юма](#) о том, что разум — раб страстей. Начинать мы с нравственных ощущений и интуиции, и именно в этом мы ближе всего к другим приматам. Человек не откапывал мораль, извлекая ее из рациональных рефлексий; напротив, он получил мощный

² [Гоминины](#) (лат. Homininae) — подсемейство семейства гоминид (Hominidae), к которому относят человека разумного (*Homo sapiens*), шимпанзе (*Pan*), горилл (*Gorilla*), а также ряд вымерших групп.

толчок снизу, из своего неизбывного социально-животного прошлого. С другой стороны, что произошло бы с обществом, если бы мы полностью исключили религию? Откровенно говоря, трудно представить, как наука и натуралистическое мировоззрение могли бы заполнить образовавшуюся пустоту и вдохновить человека на добро.

Наука не может ответить на все вопросы. Еще студентом я узнал о так называемом «натуралистическом заблуждении» и о том, что со стороны ученых верх высокомерия считать, что их труды могут определить разницу между «хорошо» и «плохо». Можно напомнить, что в начале XX века [евгеника](#) считалась серьезной академической дисциплиной и изучалась во многих университетах. Отец-основатель евгеники британский антрополог и всесторонне образованный человек сэр [Фрэнсис Гальтон](#) стал членом Королевского общества и был удостоен рыцарского звания уже после того, как поддержал идею об искусственном улучшении человеческой расы.

Мне кажется, путаница в этом вопросе уходит своими корнями в иллюзорное представление, что для построения хорошего общества человечество нуждается только в знаниях. Но что если мораль создается в ходе повседневных социальных взаимодействий, а не на каком-то абстрактном ментальном уровне? Что если она коренится в эмоциях, которые в большинстве случаев не поддаются аккуратной классификации, столь любимой наукой? Хорошей исходной точкой для изложения моих идей станет признание, что в основе мы все — общественные животные, и рассуждения о том, как эта основа преформирует наши поступки.

Глава 2. КАК ОБЪЯСНИТЬ ДОБРОТУ

Общественный инстинкт заставляет животное получать удовольствие в обществе себе подобных, чувствовать к ним определенную симпатию и оказывать им различные услуги.

Чарльз Дарвин

С одной стороны, приматы живут в жестоком мире, где самец вынужден как можно дольше скрывать свое физическое недомогание и «сохранять лицо» перед сородичами. Но, с другой стороны, все они — часть тесного сообщества, в котором всегда можно рассчитывать на сочувствие и помощь ближних, в том числе и неродственников. Эта двойственность имеет принципиальное значение. Мораль была бы излишней, если бы мы все как один были добродетельными. Совершенно не о чем было бы беспокоиться, если бы люди только и делали, что сочувствовали друг другу и никогда не крали, не вонзали друг другу нож в спину, не домогались чужих жен! Очевидно, мы не всегда ведем себя должным образом, и именно этим объясняется наша нужда в моральных правилах.

Альтруизм — поведение, за которое вам приходится чем-то расплачиваться (к примеру, риском или дополнительными затратами энергии), но которое приносит пользу кому-то другому. Биологические споры об альтруизме чаще всего почти не затрагивают вопрос почему эволюция создала такие схемы поведения. Если посмотреть с позиции гена, то альтруизм приобретает особый смысл. Даже если некто теряет жизнь, спасая родича, то тем самым он все же способствует передаче следующему поколению своих генов — тех, что были у него общими с этой особью. Так что помогать родичу — все равно что помогать себе.

Американский биолог-эволюционист Роберт Триверс предположил, что сотрудничество неродственных особей зачастую основывается на реципрокном альтруизме: акт помощи, за который в данный момент приходится дорого заплатить, в долгосрочной перспективе все же приносит пользу, если на помощь отвечают помощью (подробнее см. [Роберт Триверс. Обмани себя. Как самообман помогает нам выжить](#)). Смысл эмпатии состоит в стирании границы между собой и другим существом. Очевидно, это делает разницу между эгоистичными и неэгоистичными мотивами довольно туманной.

Популярность взгляда на эволюцию с точки зрения гена росла, и это вело к циничному взгляду на природу человека и животного. Мораль рассматривалась как тонкий налет лоска поверх кипящих в человеке отвратительных склонностей. Эта точка зрения берет начало еще с [Томаса Генри Гексли](#), известного также как «Бульдог Дарвина». Гексли известен в первую очередь тем, что на публичных дебатах по теории эволюции в 1860 г. «размазал по стенке» епископа Уилберфорса (рис. 2). Сам епископ, кстати говоря, был твердо убежден в том, что сумел дать достойную отповедь своим оппонентам. Да, редкий случай! Очевидно, в том споре все остались победителями! Вот только

Гексли повезло больше других: именно он вошел в историю как великий защитник науки и противник религии (подробнее о схватке Гексли с епископом см. [Джон Уоллер. Правда и ложь в истории великих открытий](#), глава 10. Об обезьяне и Библии).

Рис. 2. Томас Генри Гексли, боевитый публичный защитник Дарвина, называл себя агностиком. Однако религиозная склонность в нем все же оставалась, заставляя его разойтись с Дарвином по вопросам нравственной эволюции: Гексли считал ее невозможной (карикатура Карло Пеллегрини в газете Vanity Fair за 28 января 1871 г.)

Однако Гексли ошибался в том, что касалось происхождения этики. Он считал, что этика — уникальный человеческий ответ на неуправляемый и жестокий эволюционный процесс. Гексли так сформулировал свою позицию: «Следование тому, что лучше с этической точки зрения, что мы называем великодушием или добродетелью, означает поведение, которое во всех отношениях противоположно образу жизни, ведущему к успеху в борьбе за выживание во вселенной». Эта мрачная идея ни в малейшей степени не напоминает мысли Дарвина. По словам биографа Гексли, «он заставлял свой этический ковчег двигаться против Дарвинова течения, которое до сих пор успешно несло его».

Последние три десятилетия прошлого века большинство авторов защищало идеи, совершенно чуждые моим представлениям о природе нашего биологического вида. Вот характерное утверждение на эту тему: «При наличии реальной возможности действовать в своих интересах ничто, кроме выгоды, не остановит [человека] и не помешает ему проявить жестокость, искалечить и убить — брата, супруга, родителя или собственного ребенка. Отмой “альтруиста” — получишь “лицемера”».

Подразумевалось даже, что сам Дарвин тоже признавал отсутствие нравственности в царстве природы. Однако высот абсурда достиг Ричард Докинз в тот момент, когда откровенно отрекся от Дарвина; в 1997 г. он заявил в одном из интервью, что «в политической и общественной жизни мы имеем право совершенно отказаться от дарвинизма».³ В тоже время, Дарвин в «Происхождении человека» без особых трудностей совместил нравственность и эволюционный процесс, признавая

³ Я прочитал пока единственную работу Докинза — [Слепой часовщик](#). Как эволюция доказывает отсутствие замысла во Вселенной — но мне он показался ярким защитником дарвинизма.

при этом врожденную склонность человека к добру. В последней записке, адресованной Гексли и написанной незадолго до смерти, Дарвин не удержался от мягкого шутивого укола в адрес картезианских⁴ наклонностей друга и намекнул, что если животные — простые механизмы, то и человек — тоже машина: «Молю Бога, чтобы в мире было побольше таких автоматов, как Вы». Дарвин видел потенциал подлинного альтруизма, по крайней мере на психологическом уровне.

К концу XX в. Точка зрения ученых на мораль изменилась. В 2001 г. в статье «Эмоциональный пес и его рациональный хвост» американский психолог [Джонатан Хайт](#), утверждал, что решения в вопросах нравственности человек принимает интуитивно. На сознательном уровне он о них почти не думает. Решают эмоции, а уже потом человеческий разум старается как можно лучше обосновать принятое решение. Антропологи обнаруживали существование чувства справедливости у людей по всему миру; экономисты находили людей более альтруистичными и склонными к сотрудничеству, чем позволяла теория Homo economicus (человека экономического); эксперименты с детьми и приматами обнаружили у них альтруизм при отсутствии всяких стимулов. Нейробиологи обнаружили, что в человеческий мозг «встроена» способность чувствовать боль других людей.

В настоящее время считается общепризнанным, что все в человеке — и тело, и сознание — приспособлено к совместной жизни и к заботе друг о друге и что человек от природы склонен оценивать других по нравственным критериям. Вместо того чтобы рассматривать нравственность как тонкий налет лоска, теперь утверждают, что она исходит изнутри, что это часть нашей биологии (рис. 3).

Рис. 3. Какое-то время «теория лакировки» определяла взгляды биологов на человеческую природу. Она утверждала, что подлинной доброты либо не существует вовсе, либо является эволюционной ошибкой. Мораль — тонкий налет лоска, едва прикрывающий нашу подлинную природу, которая полностью эгоистична. В последнее десятилетие, однако, «теория лакировки» пала под давлением множества неопровержимых доказательств о присущих и человеку, и другим животным эмпатии, глубинного альтруизма и готовности к сотрудничеству

Тем не менее, доброта, явленная в неподходящее время в неподходящем месте, может оказаться неадаптивной. Альтруистическое поведение не укладывается в эволюционную догму. В свое время было много разговоров об «осечке генов», которая будто бы заставляет нас быть лучше, чем полезно для нас самих, тем самым принося себе вред. Однако, я предлагаю отказаться от такого описательно-оценочного языка и от утверждения, что все мы рождаемся, чтобы служить своим генам. Почему бы просто не признать, что происхождение какого-то качества не всегда связано с его нынешним

⁴ Картезианство (от Cartesius, латинизированного имени Декарта) — направление в философии, восходящее к идеям французского философа Рене Декарта. Одна из центральных проблем картезианства — признание существования в мире двух независимых субстанций — «протяженной» (материи) и «мыслящей» (души), причем проблема их взаимодействия даже только в мыслящем существе (человеке) оказалась рационально неразрешимой.

использованием? Передние конечности приматов развивались для того, чтобы их обладатели могли лучше хвататься за ветки, но сегодня я играю ими на пианино.

Фридрих Ницше,⁵ подаривший нам знаменитое «Бог умер», интересовался источниками нравственности. Он говорил, что механизм появления чего бы то ни было (не важно, орган ли это, учреждение или религиозный обряд) нельзя путать с выполняемыми этим «чем-то» задачами: «Все существующее, появившись каким-то образом, непрерывно интерпретируется заново, трансформируется и направляется к новой цели».

Человеческий, и животный альтруизм объединяет отсутствие каких бы то ни было далеко идущих мотивов. Большинство животных не умеет думать опережающим образом и рассуждать на уровне: «Если я сделаю это для него, то он, может быть, завтра возвратит мне должок».

Мы перешли от труднообъяснимой идеи, что «альтруизм — жертва», до современного представления об альтруизме как развитию заложенной у млекопитающих заботы о потомстве, еще и приносящей радость.

Глава 3. БОНОБО НА ФАМИЛЬНОМ ДРЕВЕ

Лучший способ уничтожить врага — сделать
Авраам Линкольн

В число наших ближайших родственников — человекообразных обезьян — входят четыре вида человекообразных приматов (шимпанзе, бонобо, горилла и орангутан) и так называемые малые человекообразные: гиббоны и сиаманги. По сравнению с двумя сотнями видов обезьян и полуобезьян это совсем крошечное семейство (рис. 4).

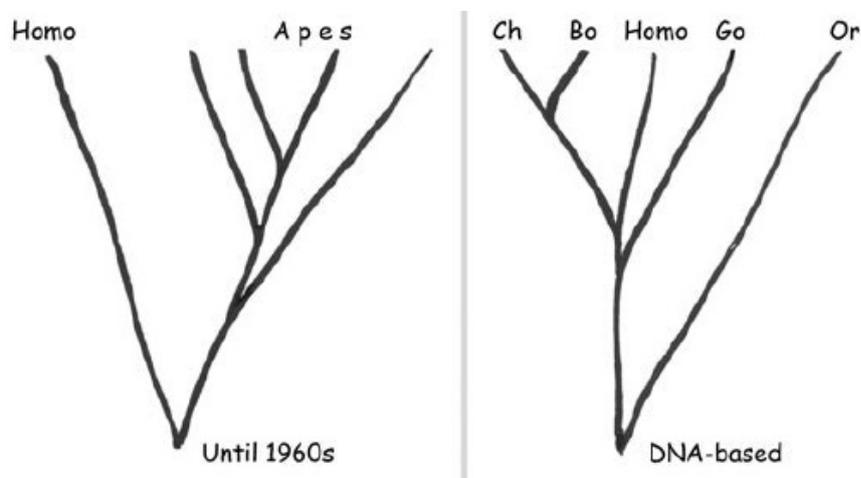

Рис. 4. Изменение представлений о месте рода Ното. До 1960-х гг. человечество обладало собственной веточкой на эволюционном древе, отдельной от человекообразных обезьян (слева). Однако древо, построенное на базе анализа ДНК (справа), помещает человека ближе к шимпанзе (Ch) и бонобо (Bo), чем к гориллам (Go) и орангутанам (Or)

В книге «Демонические самцы» Ричард Рэнгем, рассказывая о жестокости у шимпанзе, приводит такое сравнение их с бонобо: «...Мы вполне можем рассматривать их [бонобо] как шимпанзе, сделавших три шага к миру. Они снизили уровень насилия в отношениях между полами, в отношениях между самцами и в отношениях между сообществами».

Некоторые разногласия относительно агрессивности бонобо объясняются тем, что они ведут себя как хищники. Бонобо убивают мелкую дичь, белок, обезьян низших видов; иногда они охотятся группами. Проблема в том, что охота не имеет почти никакого отношения к агрессивности. Еще в 1960-е гг. Конрад Лоренц⁶ определил агрессию как *внутривидовое* поведение. Поэтому же

⁵ Фридрих Ницше (1844–1900) — немецкий филолог, философ, усомнившийся в традиционных формах философствования, религии и морали; его взгляды оказали радикальное воздействие на все последующее развитие гуманитарных дисциплин.

⁶ [Конрад Лоренц](#) (1903–1989) — выдающийся австрийский ученый, лауреат Нобелевской премии, зоолог, зоопсихолог, один из основоположников этологии — науки о поведении животных.

травоядные животные не считаются менее агрессивными, чем плотоядные, — это может засвидетельствовать любой, кому приходилось видеть схватку жеребцов.

Мы приветствуем друг друга руками, тогда как у бонобо принято «генитальное рукопожатие». Считается, что у приматов нет сексуальных ограничений. Существует даже официальная теория на этот счет: французский антрополог Клод Леви-Стросс⁷ предположил, что человеческая цивилизация началась с запрета на инцест. А прежде мы занимались этим с кем попало, не обращая внимания ни на какие кровнородственные узы. Табу на инцест перенесло нас в новую эпоху: из природы в культуру. Но как же ошибался Леви-Стросс! Подавление инбридинга, как называют это биологи, хорошо развито у многих живых существ, начиная от плодовых мушек и грызунов и кончая приматами.

Глава 4. БОГ УМЕР ИЛИ ПРОСТО ВПАЛ В КОМУ?

Бесполезно разубеждать человека в том, в чем он никогда не был убежден.

Джонатан Свифт

Влияние религии проявляется не столько в том, что она заставляет нас делать что-то, чего мы иначе не стали бы делать, сколько в поддержании и развитии некоторых естественных склонностей. [Дэн Деннет](#) говорил о религии как о явлении, которое необходимо изучать в качестве формы человеческой социализации, более того, человеческой природы. Ясно, что религия создана человеком, поэтому вопрос стоит так: а какая от нее польза? Рождены ли мы, чтобы верить, и если да, то почему? Деннет не слишком убежден в том, что религия иррациональна или что мир станет лучше, если ускорить ее конец.

Очевидно, что верующие не ищут доказательств. Люди верят просто потому, что *хотят* верить. Это относится ко всем религиям без исключения. Вера развивается под влиянием конкретных личностей, историй, обрядов и ценностей. Она удовлетворяет эмоциональные нужды человека, такие как потребность в безопасности и моральном авторитете, а также желание принадлежать к какому-нибудь сообществу. Теология здесь вторична, а доказательства значат еще меньше. Бессмысленно вытаскивать верующих из озера и втолковывать им, как для них будет лучше, если при этом легкомысленно оставить их на суше, где они мечутся и бьются, пока не испустят дух. Ведь они оказались в озере неслучайно.

Если принять, что вера возникает под влиянием ценностей и желаний, то можно сразу же увидеть здесь не только большую разницу с наукой, но и нечто общее; дело в том, что наука опирается на факты в значительно меньшей степени, чем считается. Она так же, как религия, основывается на том, во что нам *хочется* верить. Ученые тоже люди, а людям свойственны качества, которые психологи называют «предвзятостью подтверждения» (confirmation biases; мы обожаем доказательства, подтверждающие наши собственные взгляды) и «предвзятостью несоответствия» (disconfirmation biases; мы отбрасываем доказательства, которые могут поколебать наше мнение). Факт, что ученые систематически противятся новым открытиям. Типичный ученый — это тот, кто в начале карьеры делает интересное открытие, а всю оставшуюся жизнь заботится о том, чтобы все остальные уважали его вклад, и никто бы в нем не усомнился. Не так давно пионер нейробиологии [Майкл Газзанига](#) пожаловался в интервью: «Люди и идеи, которые “были когда-то первыми”, оказывают сильнейшее тормозящее действие на пути нового. Они пересказывают свою историю снова и снова, а тем временем новые наблюдения с трудом пробиваются наверх. Старая шутка, что человеческие знания прибывают с каждым похороном, оказывается очень верной!» (аналогичной точки зрения придерживался и американский философ науки Томас Кун, подробнее см. [Структура научных революций](#)).

Но даже если ученые едва ли более рациональны, чем верующие, все же между наукой и религией существует одно очень серьезное различие. Наука — это коллективное предприятие, правила которого позволяют целому продвигаться вперед в любых обстоятельствах, даже если его отдельные части тормозят движение. Лучше всего наука умеет устраивать состязание идей. Она запускает что-то

⁷ Клод Леви-Стросс (1908–2009) — знаменитый французский культуролог, социолог, этнограф, основатель структурализма в этнологии, автор теории происхождения государства, согласно которой запрет кровосмешения — главный фактор развития цивилизации, исследователь мифологии и фольклора.

вроде естественного отбора, так что лишь самым жизнеспособным теориям удастся выжить и воспроизводиться. Враг науки — не религия. Подлинный враг — это подмена мысли, рефлексии и любознательности догмой.

Глава 5. ПРИТЧА О ДОБРОЙ ОБЕЗЬЯНЕ

Если кто-нибудь страдает в моем присутствии, я сам начинаю испытывать физические страдания, и мои ощущения часто вытесняются ощущениями других. Если кто-нибудь поблизости закашляется, у меня стесняется грудь и першит в горле.

Монтень

Я уже более 20 лет работаю в Национальном центре по изучению приматов имени Йеркса под Атлантой. Шимпанзе живут в буквальном смысле под моим окном. Мы провели эксперимент, и впервые продемонстрировали, что шимпанзе небезразлично благо других (рис. 5).

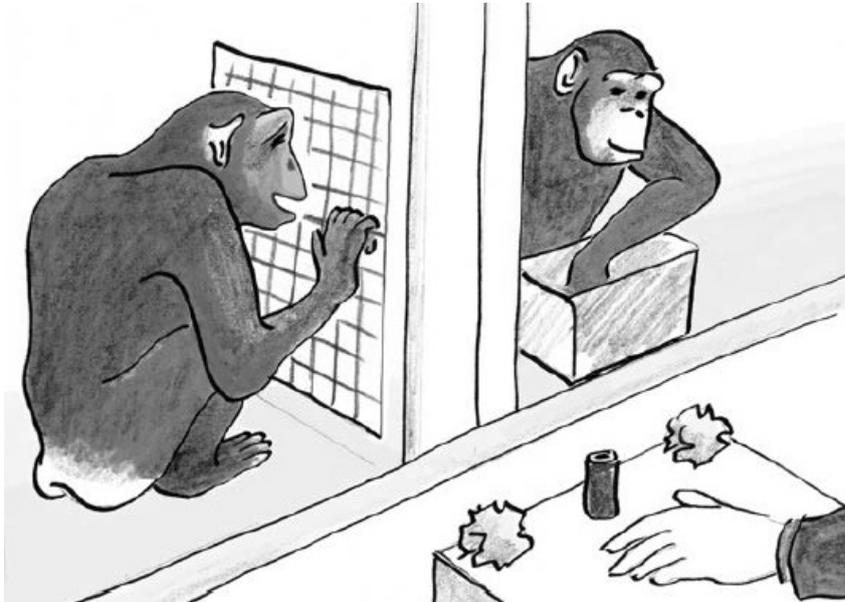

Рис. 5. Перед лицом ожидающего партнера активный испытуемый-шимпанзе (справа) лезет в коробку с пластиковыми фишками двух цветов. После того как шимпанзе выбрала фишку, мы ставим ее на стол между двумя завернутыми в бумагу порциями лакомства. При этом награду получает либо только испытуемый (выбран «эгоистичный» цвет), либо оба партнера одновременно («просоциальный» цвет). Со временем шимпанзе начинают проявлять склонность к просоциальному выбору

Эмпатия — это выражение связи на телесном уровне. Говоря языком нейробиологии, мы активируем в собственном мозгу нейронную репрезентацию моторной активности, аналогичной той, что видим или ожидаем у других. Причем, делаем это неосознанно. В начале 1990-х эмпатию рассматривали как сложное умение, контролируемое корой мозга. Считалось, что мы принимаем решение проявить эмпатию и делаем это на основе сознательной симуляции: мы будто умышленно ставим себя на место другого человека и представляем, как чувствовали бы себя в его положении. Эмпатию рассматривали как когнитивный навык. Сегодня мы знаем, что этот процесс и проще, и автономнее. Дело даже не в том, что мы его не контролируем (дыхание тоже осуществляется автоматически, но мы его все-таки контролируем), просто наука рассматривала эмпатию в совершенно неверном свете. Эмпатия появляется на основе бессознательных телесных связей, в которых задействованы лица, голоса и эмоции. Человек не может решить, быть ему эмпатичным или не быть; он эмпатичен по определению.

Эмпатия берет начало в телесной синхронизации и общности настроений. Сложные ее формы, основанные на воображении и проецировании, вторичны и вырастают уже из этого. Примерно в то же время, ученые в Парме (Италия) открыли зеркальные нейроны. Эти нейроны активируются не только при любом действии (к примеру, человек протянул руку за чашкой), но и при виде другого человека, протягивающего руку за чашкой. Зеркальные нейроны не делают различий между нашим собственным действием и действиями остальных; таким образом они как бы позволяют одному

организму ощутить себя в шкуре другого. В шумихе, сопровождающей открытие зеркальных нейронов, часто забывают, что обнаружены они были вовсе не у людей, а у макака.

[Б. Скиннер](#) недооценивал эмоции, особенно у животных. Меня никогда не привлекал взгляд на животных как на машины, дающие определенную реакцию на определенный раздражитель. Это весьма обедненное представление о животных. Даже Скиннер изменил свою точку зрения к концу жизни.

Эмпатия безнадежно пристрастна; это было показано, к примеру, в исследовании, где ученые из Цюрихского университета измеряли нейронный ответ человека на страдания других людей. Мужчины смотрели, как в соседней комнате получает удары электрическим током либо болельщик их собственного футбольного клуба, либо болельщик клуба-соперника. Эмпатию проявляли только к болельщикам своего клуба.

Эмпатия может быть пассивной — тогда это просто чувствительность к страданиям других, но *отзывчивость* всегда направлена вовне. Она выражает тревогу за других и одновременно порыв как-то облегчить их положение.

Глава 6. ДЕСЯТЬ ЛИШНИХ ЗАПОВЕДЕЙ

Социальная иерархия — гигантская система запретов и тормозов; именно она, вне всякого сомнения, проложила путь к человеческой морали, которая представляет собой такую же систему. Ключевой момент здесь — контроль поведенческих импульсов. Некоторые философы (и не только) считают, что животные в принципе не умеют сдерживать свои эмоции, что где-то в процессе эволюции мы преодолели свое распутство и именно поэтому стали людьми. Начался этот процесс с «осознания того, что определенные формы планируемого поведения могут привести к неприятным результатам. Мне часто хочется посоветовать каждому философу завести себе домашнее животное. Знание последствий очень сильно влияет на их поведение. Шимпанзе в зоопарке тоже демонстрировали четкую границу между порывом и действием.

Преимущество эмоциональной реакции перед инстинктивной состоит в ее неоднозначности. Понятие «инстинкт» относится к генетической программе, которая говорит животному — или человеку, — что делать в тех или иных конкретных обстоятельствах. Эмоции, с другой стороны, производят внутренние изменения и одновременно обеспечивают оценку ситуации и возможных вариантов поведения. Неясно, есть ли у человека и других высших приматов инстинкты в точном смысле этого слова, но нет никаких сомнений в том, что эмоции у них есть. Немецкий специалист Клаус Шерер называет эмоции «разумным интерфейсом, промежуточным звеном между входом и выходом, действующим на основе того, что важнее всего для организма в данный момент».

Это определение может показаться противоречивым, поскольку в нем эмоции названы разумными. Стоит, однако, помнить, что различия между эмоциями и знанием до сих пор до конца не определены. Ранее считали, что префронтальная кора головного мозга, которая помогает регулировать эмоции, у нашего биологического вида особенно велика, но это устаревшая точка зрения. Кора человека содержит 19% всех нейронов мозга, ровно столько же, сколько у любого типичного млекопитающего. Поэтому наш мозг иногда называют «линейно и пропорционально увеличенным мозгом примата». В целом он, возможно, больше других, но связи между его отдельными частями точно такие же.

Мы исходим от длинной череды предков, которые существовали в условиях развитой иерархии и для которых соблюдение социальных запретов было второй натурой. У человека есть одна-единственная уникальная особенность, которую подметил еще Дарвин: человек краснеет. Я могу придумать для такого румянца один-единственный смысл: покрасневшее лицо сообщает другим людям о том, что вы знаете, как сказываются на них ваши действия. Это способствует доверию. Мы вообще предпочитаем тех, чьи эмоции можно прочесть по лицу, тем, кто никогда не демонстрирует ни малейшего намека на стыд или вину. Способность краснеть — часть того самого эволюционного набора свойств, из которого выросла мораль.

Мораль — это система правил, предписывающих, по существу, две вещи: помогать или по крайней мере не вредить другим людям. Она предписывает заботиться о благе других и ставить интересы

общества выше личных. Мораль не отрицает существования личных интересов, но ограничивает следование им общественными интересами.

Понятие «сущее» описывает реальное положение вещей в настоящий момент (социальные тенденции, мыслительные способности, нейронные процессы), тогда как «должное» относится к тому, каким мы хотим все это видеть и как мы сами должны себя вести. В общем, «сущее» — это о фактах, а «должное» — о ценностях. Мораль — не просто отражение человеческой природы. Как невозможно вывести правила дорожного движения из описания автомобиля, так и моральные нормы нельзя вывести из описания того, кто мы и что мы.

В роли второй движущей силы морали выступает наша иерархическая природа и страх наказания. Внушить человеку страх перед наказанием — задача непростая, ей активно занимаются и религия, и общество.

Со времен Возрождения человечество стало мечтать о рационально обоснованной морали, и именно во исполнение этой мечты Кант несколько столетий спустя положил в основание морали «чистый разум».

Как могла возникнуть такая странная мысль? Мне она напоминает аргумент креационистов в споре с эволюционистами; когда в качестве примера предлагается взять глаз. Сложная функциональность глаза, утверждают креационисты, не могла возникнуть случайно, поэтому мы должны сделать вывод о существовании разумного дизайнера. Большинство биологов с этим не согласно и готово указать на промежуточные стадии, начиная от пятен светочувствительного пигмента на голове плоского червя и заканчивая крохотным глазом моллюска наутилуса. Естественный отбор, если хватит времени, может произвести на свет невероятно сложные структуры посредством крохотных шажков, подобно [слепому часовщику Докинза](#).

Мы состоим из плоти и крови, преследуем определенные цели: это пища, секс и, самое главное, безопасность. На этом фоне вся концепция «чистого разума» представляется чистой фантастикой. Вы слышали об исследовании, согласно которому судьи после обеда более снисходительны, чем до обеда? Практически невозможно отделить рациональное принятие решений от старых предрассудков, подсознательных оценок, эмоций и деятельности пищеварительной системы. По данным когнитологии, рационализация появляется по большей части задним числом. Мы обладаем двойственной ментальностью, которая мгновенно, пока мы еще не успели как следует обдумать вопрос, предлагает нам интуитивный ответ; за этим актом следует второй, более медленный процесс, в ходе которого решение проверяется на качество и реализуемость. Второй процесс помогает нам обосновать решение, но считать это обоснование реальной причиной решения — сильное передедигивание (подробнее см. [Даниэль Канеман. Думай медленно... решай быстро](#)).

Так что позвольте мне вернуться к варианту «снизу вверх», при котором во главу угла ставятся эмоции. При таком подходе предполагается, что у морали есть два основных уровня, один из которых регулирует отношения один на один, а другой — интересы общества. Первый уровень — это, по существу, то, что я назвал межличностной моралью; такая мораль отражает понимание того, как наше поведение действует на иных представителей вида. Этот уровень у нас общий с другими социальными животными, у которых имеются аналогичные сдерживающие факторы и кодексы поведения. Отступление от правил ведет к дисгармонии, именно поэтому мы чувствуем необходимость учитывать интересы других; это «должное». В основе лежит не разум, хотя совсем несложно логически обосновать любое решение.

Второй уровень я называю *общественным интересом*. Он не отвергает индивидуальные интересы, но представляет собой принципиальный шаг вперед во всем, что касается гармонии в большом коллективе. Именно на этом уровне человеческая мораль начинает отличаться от всего, что было до человека, хотя у некоторых животных можно обнаружить рудиментарные формы общественного интереса. Человек поднял репутацию и общественный интерес на уровень, недостижимый для приматов, и таким образом загнал каждого члена общества в сети морали.

Анализ десяти заповедей, Золотого правила нравственности и принципа максимизации всеобщего счастья наглядно продемонстрировал мои сомнения в том, что моральные предписания и запреты можно представить в виде простых и бесспорных правил. Попытки сделать это следуют той же логике «сверху вниз», что и религиозная мораль, от которой мы пытаемся уйти. С другой стороны,

имеет место и противоположное движение, которое пытается обосновать мораль биологией и не отрицает, что конкретные правила формируют люди. Это и моя точка зрения. Я не считаю, что наблюдения за шимпанзе или бонобо могут подсказать нам, что хорошо и что плохо, и не думаю также, что это может сделать наука, но я уверен, что природа помогает нам разобраться, как и почему мы стали заботиться друг о друге, и искать моральные принципы. Мы делаем это потому, что выживание зависит и от хороших отношений с окружающими, и от сплоченности общества. Моральные законы — всего лишь приблизительные правила или, не исключено, просто метафорическое описание того, как нам следует себя вести.

Глава 7. ЕСЛИ БОГА НЕТ

Часто говорят, что религия в человеческом обществе появилась потому, что человек, в отличие от животных, сознает неизбежность собственной смерти. Однако, недавние наблюдения за последними часами жизни отдельных приматов позволили ученым сделать вывод о том, что «мы недооцениваем осознание смерти со стороны шимпанзе». На мой взгляд, мы можем с уверенностью сказать, что человекообразные обезьяны знают о смерти — знают, что она отличается от жизни и что это навсегда. То же относится к некоторым другим животным, таким как слоны.

Эксперименты по выяснению способностей обезьян к планированию восходят к работе Вольфганга Кёлера, который еще в 1920-е гг. подвешивал для человекообразных банан под потолком и снабжал их ящиками и палками. Предвидение будущего и сознание смерти в принципе могут сложиться в понимание собственной смертности. Но несмотря на то, что наши родичи-приматы разделяют многие наши черты (в том числе воображение и ориентацию на будущее), остается неясным, думают ли они о своей собственной смерти.

Сформулировать такое определение религии, с которым бы все согласились, невозможно. Так что давайте просто скажем, что религия — это общее для группы людей поклонение сверхъестественному, священному или духовному, а также связанные с этим символы, обряды и богослужения. При подобном определении религия свойственна всем людям.

Если религия распространена так широко, то возникает следующий вопрос: почему она появилась? К несчастью, попытки точно определить, почему религия получила признание, отчасти напоминают потуги разобраться в том, какие преимущества дает язык. Биолог Дэвид Слоан Уилсон видит в религии приспособительный механизм, позволяющий группам жить в гармонии: «Религии существуют в первую очередь для того, чтобы люди вместе могли достичь недостижимого в одиночку».

Характерное для всех религий объединение в общины для человека естественно. Более того, если учесть, как часто религию противопоставляют науке, неплохо помнить, что религия обладает при этом громадным преимуществом. Наука — искусственное, придуманное образование, тогда как религия дается нам легко, как ходьба и дыхание. Сравните легкость, с которой дети воспринимают религию, и длинный непростой путь, который проходят молодые люди, чтобы годам к тридцати получить ученую степень Ph.D.

Мне кажется, что конфликт между наукой и религией вторичен и не имеет особого значения. Религия — это гораздо больше, чем вера. Вопрос не столько в том, истинна религия или нет, вопрос в том, какое влияние она оказывает на человеческую жизнь.

Есть мнение, что в таком многолюдном обществе, как наше, человеку необходим надзор — реальный или воображаемый, который обеспечивал бы высокий уровень сотрудничества.

Сверхъестественное существо в качестве наблюдателя, судя по всему, относительно недавнее явление, потому что в доисторические времена он был нам не нужен. В маленьких группах, подобных обезьяньим, все всех знают. В окружении родных, друзей и соплеменников у человека были все основания следовать правилам и уживаться друг с другом. Надо было заботиться о личной репутации. И только когда наши предки начали собираться во все более многочисленные сообщества — сначала в них были тысячи людей, затем миллионы, — эти межличностные механизмы перестали работать. Вот почему нужда в больших богах, как ястребы следящих за всеми нашими делами, появилась после возникновения больших человеческих групп. Это прекрасно сочетается с моими собственными мыслями о том, что мораль возникла раньше религии. Мы, люди, были уже

достаточно моральными существами, когда еще бродили маленькими группками по саванне. Только с ростом масштабов общества, когда правила взаимности и репутация начали давать сбои, появилась нужда в Боге-морализаторе.

Если посмотреть с этой точки зрения, то не Бог ввел мораль, а скорее наоборот. Назначение Бога — поощрять нравственные поступки.

Глава 8. МОРАЛЬ «СНИЗУ ВВЕРХ»

Нравственный закон не насаждается сверху и не выводится из разумных логических принципов; скорее можно сказать, что он вырастает из прочно укоренившихся ценностей, зародившихся еще в начале времен. Самый фундаментальный из них — эволюционное преимущество жизни в группе. Желание принадлежать к общности, быть вместе, любить и быть любимым заставляет нас делать все возможное, лишь бы сохранить хорошие отношения с теми, от кого мы зависим. Другие общественные приматы разделяют с нами эти ценности и пользуются тем же фильтром, отделяющим действие от эмоций. Мы видим этот фильтр в действии, когда самцы шимпанзе прекращают ссору из-за самки или самцы бабуина делают вид, что не заметили ореха. Все сводится в конечном итоге к сдерживанию эмоций.

Честность и справедливость следует рассматривать как весьма древние свойства, которые берут начало в необходимости сохранять мир и гармонию перед лицом конкуренции за ресурсы.

Несмотря на то, что мораль, несомненно, возникла для внутригруппового употребления и не оглядывалась на человечество в целом, это вовсе не означает, что так и должно быть. Мы развивались как групповые животные, а не как граждане мира. Тем не менее очень скоро нам придется задуматься о таких вещах, как универсальные права человека, и нет никаких оснований воспринимать природную этику, о которой говорится в этой книге, как пожизненное тюремное заключение. Природная этика помогает объяснить, как мы пришли к сегодняшнему состоянию, и только; мы, люди, давно научились строить новые здания на старых фундаментах.